

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ В ЭЙДЕТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

(на материале «Хожения на Флорентийский собор
Неизвестного Суздальца»)

Литературоведение так или иначе разграничивает два типа текста: художественные (иногда называемые фикциональными) и нехудожественные. Считается, что вторые описывают реально произошедшие события и выявляют связь между ними, тогда как первые – выдуманы автором и описывают события, произошедшие с героем. Все категории поэтики предназначены для работы внутри художественного мира, то есть с текстами, порожденными авторским вымыслом. Для анализа же нефикциональных текстов, не имеющих созданного автором эстетического объекта, достаточно знания логики, лингвистики и риторики.

Данная дихотомия, пронизывающая литературоведение даже тогда, когда постулируется невозможность жесткого разграничения дискурсов¹, принципиально не учитывает одной возможности: в произведении сохраняются реалии, но связь между ними видится не в соотношении реалий, а в скрытом соотношении их «эйдосов», соотношении, увиденном и проявленном автором. Между тем описанная возможность, при которой **текст** предстанет сразу в двух видах (как сообщение и как художественное произведение, ибо представленные **связи** фактов созданы видением автора-творца), отнюдь не гипотетична. В данной статье мы попытаемся показать, как сочетаются две упомянутые «ткани» в «Хожении на Флорентийский собор Неизвестного суздальца».

Этот текст оказывается уникальным сразу в двух аспектах. Как «сообщение» он – свидетельство евроцентристских представлений в Московии XV столетия. По сути дела, он как нельзя лучше подтверждает мысли

Н. Голицына об общественном приятии Флорентийской унии на Руси: «Но для русского утешительна та мысль, что Святая Русь чиста от такого позора, потому что ее духовенство не провинилось тогда в подобных действиях. Российский митрополит Исидор, подписавший акт Флорентийского соединения *не изменил своей присяге*², чрез что Россия и избавлена была от кары небесной, постигшей весь Восток. Он удалился в Рим, когда великий князь Василий Тесный уничтожил *самовластно* постановление Флорентийского Собора. В Константинополе чернь восстала против решения Собора <...>. В России никто из духовных не прекословил; один великий князь поставил себя судьей над Вселенским Собором»³.

Но еще более интересен этот текст в плане поэтики. Он как нельзя лучше показывает специфику представления об эстетическом объекте, свойственную, на наш взгляд, эйдетическому периоду. Эстетическое и обычный мир не конкурируют, не автономно сосуществуют, но нераздельно-неслиянно «присно» соприсутствуют один в другом. Эстетическое **проевечивает в завершенности и оформленности** мира реального. Причем указанное «мерцание» – художественный прием, специально организованный. Путешествие, выстроенное в подобной поэтической системе, будет говорить не о пространственном перемещении, не о познавательных моментах, а, прежде всего, о путешествии между двумя планами бытия, об акте созерцания, открывшем тождество эйдоса и реалии.

«Хожение на Флорентийский собор неизвестного суздальца» действительно имеет мощную **коммуникативную составляющую**: обосновывает европейскость России и истинность заключенной с Римом унией. При этом вместо противостояния / соперничества / преемственности России по отношению к Европе высказывается идея, согласно которой «Европа должна дышать обоими легкими».

Эта идея органичной и равноправной двусоставности Европы вытекает не аналитически, а как результат ценностного личностного опыта пу-

тешественника, приобретенный в ходе сюжетного развития. Созерцаемое единство христианского мира – есть не что иное как эстетический объект, преодолевающий видимую разобщенность реалий. Потому художественное пространство «Хождения...» состоит из двух уровней: дискретного физического пространства и незримо единого духовного.

На протяжении сюжета герой, за которым закреплена и функция повествования, последовательно перемещается из Москвы во Флоренцию и назад. Весь его путь распадается на ряд точек, между которыми указывается расстояние и время, за которое пройден тот или иной сегмент пути: «В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество Святыя Богородици. Приехал в Тверь на воздвижение честнаго креста <...>. А от Москвы до Твери 200 верст без 20»⁴. Подобная композиция, при которой указывается место выезда, день выезда, место прибытия и расстояние, реализуется как в пределах России, так и на всех европейских сегментах пути: «И поеха из Любка на конех в пяток троицины недели, ночевал за четыре мили в граде Мелне»⁵ или еще дальше: «Павда же град велик велми и крепок. И оттоле до Ферары града 10 миль. И ту есме приехали по госпожине дни на 3 день»⁶.

Композиционная схема, очерчивающая пространство, сохраняется и в неправославном мире, как бы подчеркивая однородность физического мира. Единственное, пожалуй, изменение – это замена верст на мили. А значит, признавая единство физического пространства, между православной Русью и остальной Европой все же постулируется граница. Последняя, правда, не подается в контрастных категориях, а потому мили не приходят на смену верстам сразу по пересечению границы: «Первый град немецкий Коспир бискупа Юрьевского. Ту его сретил бискуп юрьевский с великою вестию, по своему праву немецкому ... а от Пьскова до Юриева града 100 верст»⁷. В Прибалтике меняется правовая система, показываются другие

обычай, но мир еще долго, до этимологической границы *Rax Slavia* – Любека, – будет измеряться привычными верстами.

Вкрапленность России в западно-христианский мир показывается и через присутствие на немецких землях православных христиан: «Церкви же христианские бе у них две: святыи Никола и святыи Георгии; христиань же мало»⁸.

При этом подчеркнем, что, вопреки расхожему мнению, само по себе использование по отношению к православию общеродового «христианское» отнюдь не свидетельствует, будто бы автор-творец воспринимает католиков как нехристей. Показателен, например, следующий эпизод: «И не по мнозех днех внезапну в полунощи нападе на нас буря ... И роптанию бывшую в немцех; не нас ради сиа быша, но христиан ради. И приидоша немци госпожину глаголюще: видиши ли толику беду нашу – тме бывши и ветру не веющу ... и мы того ради приидохом к тебе: помоли Бога, а мы поюще **по своему**»⁹.

Перед нами типичный мотив бури на моря, имеющий параллель в Библии, например, в книге Ионы: «Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться. И устрашились корабельщики, и зывали каждый к своему богу <...> Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул. И пришел к нему начальник корабля и сказал ему: что ты спишь? встань, воззови к **Богу твоему**; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем» [Ион. 1: 4 – 6]. Фраза, с которой обращаются немцы к митрополиту, действительно, почти полностью соответствует той, которой обратились мореплаватели к Ионе. Однако и расхождение более чем показательное. Если мореплаватели молятся разным богам, считая Бога Ионы за одного из, то немецкие мореплаватели призывают молиться Тому же Богу только иначе: «помоли Бога, а мы поюще **по своему**».

Тем самым размежевание православной и католической Европы, Запада и Востока оказывается не концептуальным, но **стилевым** разделением. Суть с двух сторон **одна**. И смена «верст» на «мили» после бури и приезда в Любек становится знаковой, знаменуя возможность перехода на «другой стиль» без потери собственной культурной идентичности. Герои остаются самими собой, они по-прежнему выражают русское в Европе.

При этом облик пространства по дороге туда и назад значимо не совпадает. Во-первых, полностью отсутствует указание на границу. Если нам указали на первый немецкий город, то «первый русский город» останется неизвестным. Во-вторых, система измерения в милях не возвращается после границы к изначальным верстам: «От Дрютска до Орши 8 миль. От Орши до Дубровны 4 мили. <...> От Вязмы до Можайска 26 миль. А приехали есмь в Можайск сентября 14 день в среде, а на сторожи 18 день в неделю сентября же. А приехали есми на Москву 19 день того же месяца...»¹⁰.

Несовпадение дороги, видения пространства сознанием путешественника объясняется именно **эстетическим** миром. «Реальный мир» изменился, потому что он стал лучше проявлять свой «эйдос». Например, путешественнику вдруг открывается «этническое перетекание» Запада в Восток: «От Сени до града Брыни 15 миль, а путь лесом на горы; и **в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская**»¹¹. По дороге во Флоренцию никаких «промежуточных народов», никакого «культурного пограничья» герой не обнаруживал. То, что он видел, было вкрапление «своего» стиля в среду стиля «чужого».

Изменение мира, увиденного на обратном пути, объясняется **событием** – заключением унии на Флорентийском Соборе. Тем самым переход границы (в данном случае стилистической) приводит к радикальному изменению взгляда героя.

До объединения католический мир – это христианский, но все же «иначе осмысленный мир», что постоянно подчеркивается. Именно потому митрополит Московский встречается католическими иерархами. Потому указывается в западном пространстве на общехристианские праздники. Потому описывается, как митрополит посещает западные монастыри: «Есть ины монастырь, устроен белым камением хитро и велми твердо, а врата железны; а божница велми чюдна и есть в ней служеб 40; и мощей святых множество, и риз драгих множество <...> В том же монастыре был господин, и нам ту же бывшим и та вся видехом»¹².

После объединения условное разделение исчезает, как только принимается уния, формулирующая принцип «стилистического перевода»: «Месяца июлиа в 5 день собору бывшу велику, и тогда написаша грамоты събора, их, како веровати в Святую Троицю, и подписа папа Еугении, и царь греческый Иоан, и вси гардиналове, и митрополиты подписа на грамотех коиждо своею рукою»¹³. Обратим внимание, что разрешается именно чисто стилевое противоречие: нет спора, *во что* веровать, но лишь *как* веровать.

Правда, под последним скрывается еще и разрешение от исторической вины – прощение греками латинян за взятие Константинополя: «И потом начаша пети весь собор латинскый и весь народ, и начаша радоватися, зане бяше прощение приали от грек».

Разрешение «стилистической дилеммы» открывает возможность совместной службы: «Месяца того же в 6 день служил обедню папа Еугении опресноком в соборной божнице в имя пречистыя богоматере ... Царю же греческому Иоану, сидящу ему на уготованном месте, зрящу службы их ... тако же и от грек и от руси миряне сидяще...»¹⁴.

Литургия и Евхаристия – это проявление Христа. Иначе говоря, это приобщение к эйдосу, лежащему в основе христианского мира. Следовательно, уния – это одновременно и **акт** признания общности эйдоса (для

Востока и Запада), и **момент** проявления эйдоса в мире. Событие, таким образом, оказывается **«двуплановым»**: коммуникативным (устанавливает социально-политическую связь двух частей христианского мира) и эстетическим (проявление Божественного Замысла в мире). Два выявленных плана невозможно разделить. Полученное после Литургии папское благословение на возвращение в Россию¹⁵ (ситуация, вытекающая из эстетического момента) приводит к обнаружению героем культурного и этнического пограничья, хорват (ситуация реального мира).

Таким образом, между «художественными» (фикциональными) и «нехудожественными» произведениями существует пограничная область – тексты, **описывающие** реальный мир, но **понимающие и представляющие** его как **эстетическое** явление. Ткань внутреннего мира подобных текстов двойственна. С одной стороны, она жестко связана с фактической основой, во всяком случае, автор не создает реалии, свойственные исключительно автономному миру героев. С другой стороны, подобные тексты создаются не для **описания** фактов и не для **выявления связей** между ними. Они показывают, что «профанная» связь реалий – это сугубо внешний феномен. Под внешней связью подобные пограничные произведения видят «выходы» в принципиально иной мир, «выходы», **обнаруженные, проявленные, созданные** автором. Важно, что созданный на основе реалий «проявляющийся мир» оказывается эстетическим явлением: он завершен и полностью осмыслен, он константен и непротиворечив. В результате столкновения планов реалии тоже «завершаются», начинают проявлять свою «вечную» сущность, находясь фактически в «профанном» мире. При этом тип текста сказывается не только на принципе соотношения фактов, но и формирует определенный тип события и сюжета. Событие подобных текстов – это всегда момент проявления / узнавания эстетического в реальном, а инвариантный сюжет заключается в обретении эстетического единства.

---

¹ *Тодоров Ц.* Существует ли литературный дискурс? // Семиотика. М., 1983.

² Здесь и далее выделения, свойственные цитируемым текстам, передаются нами курсивом. Наши выделения вводятся жирным шрифтом.

³ *Голицын Н.* Материалы к изучению, какие были отношения древней Восточной Церкви к Римскому Престолу // Символ. 1999. № 41. С. 121–122.

⁴ Хожение на Флорентийский собор Неизвестного Суздальца // Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 137.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Там же. С. 145.

¹³ Там же. С. 146. Обратим внимание, что рассматриваемое «Хожение» ничего не знает о неподписании Марком Эфесским договора об объединении.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 147.